

А.М. Беспалов, М.М. Прудникова, Б. Нямдорж, Д. Ундармаа

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

*Статья написана на основе исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФИ
и Министерства образования, культуры и науки Монголии, проект № 16-23-03005.*

Рассматриваются результаты эмпирического исследования когнитивного и эмоционального аспектов этнической идентичности малочисленных этносов Западной Монголии: олётов, урянхайцев, мянгатов, торгутов и хотонов. Обращается внимание на то, что традиционные отношения народов Западной Монголии еще сохраняются, в то же время интересы в религиозной жизни, информационной сфере начинают меняться, что постепенно будет влиять и на изменения в более консервативных общественных отношениях.

Ключевые слова: этнос; этническая идентичность; ойраты; олёты; урянхайцы; мянгаты; торгуты; хотоны.

Введение

В условиях глобализации в развитии этносов наблюдаются две противоположные тенденции: унификация и самоопределение. Этноты, с одной стороны, стремятся влиться в общемировые процессы, с другой – сохранить свою уникальность, самость. При этом в процессе ускорения научно-технических изменений, уплотнения социального времени и пространства, усиления информационных потоков происходят этнокультурная унификация, стандартизация образа жизни, поведения, в то же время появляется неустойчивость и пластичность социальной и личной идентичности. Все это приводит к тому, что идентичность как заданность заменяется индивидуальным выбором «жизненного проекта» конструирования идентичности и ее адаптации под себя, к неустойчивости социальных связей и отношений, грозящей глобальной катастрофой человечеству. Этноты для повышения своей значимости стремятся создать новейшие мифы о своей истории и самоидентификации. «Голос крови», реальная родословная замещаются этими мифами. Особую опасность эти угрозы приобретают в полиэтничных районах, где сталкиваются социокультурные, экономические и политические интересы доминирующих и миноритарных народов и этнических групп. Это весьма серьезно влияет на межкультурный диалог, на представления этносов о самих себе, о своем месте в этом диалоге. Не случайно С. Хантингтон отмечает, что в мире протекает глобальный кризис идентичности: «Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения...» [1. С. 35], «...кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, т.е. носит глобальный характер» [Там же. С. 36]. Поэтому в ходе исследования в Монголии в 2016–2017 гг. мы проанализировали отношение к своей этнической принадлежности у малочисленных народов Западной Монголии: олётов, мянгатов, урянхайцев, торгутов, хотонов, – и для сравнения у основного монгольского этноса – халхов.

Постановка проблемы

К проблеме идентичности обращаются представители самых разных областей гуманитарного знания –

философии, социологии, психологии, антропологии, – стремящиеся проанализировать ее содержание, механизмы формирования, основные функции и т.д. Уже в античности мыслители задумывались об осознании человеком самого себя, о своей идентичности, рассматривая ее во взаимосвязи как с телом, так и с душой. Умирающий Гектор, обращаясь к Ахиллесу, умоляет его позаботиться о нем, отождествляя себя со своим телом:

«Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,

Честь воздавая последнюю, в доме огню приобрели» [2. С. 369].

Но и душа после смерти становится тенью умершего, его презентацией. Душа Гектора обращается к Ахиллесу во сне:

«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?

Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!

Души, тени умерших, меня от ворот его гонят

И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

Тщетно скитаюсь я пред широковоротным Аидом» [Там же. С. 376].

Античные мыслители рефлексировали и по поводу социального расслоения, выделяя различные сословия и идентифицируя население ойкумены по выделенным ими признакам. Так, например, Платон в основу такого деления положил три начала, или стремления, человеческой души: к познанию, к победе и к вожделению [3. С. 372–376]. Представители средневековой философии (Августин Аврелий, Боэций) идентифицируют человека с Богом как Творцом, по образу и подобию которого он создан. В то же время, согласно Блаженному Августину, «...человек есть существо среднее, низшее по сравнению с ангелами и высшее по сравнению с животными, разделяя с животными смертность, а с ангелами разум, т.е. представляя собою существо разумно-смертное» [4. С. 389]. Однако от античности до Нового времени идентичность человека сводилась к поиску тождества, сведению всего к одному: в эпоху Возрождения (Николай Кузанский, Э. Роттердамский, М. Монтень, Т. Мор, Т. Кампанел-

ла, Ф. Рабле и др.) – к творческой самореализации, в эпоху Просвещения (Дж. Локк, Д. Юм, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо) – к универсальности личности, способной вместить в себя с помощью разума и беспредельного знания все Мироздание, в немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В. Гегель, Л. Фейербах) – к обретению постоянства, подобия, похожести. Однако уже начиная с XIX и до начала XXI в. идентичность опирается на категории «инаковость», «различие», «множественность» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), «выбор», «самоопределение» (К. Ясперс, М. Бубер), «описание», «самоописание» (П. Рикер), «симулякр», «ризом» (Ж. Дилёз, Ж. Бодрийяр) и т.д.

В ходе изучения этнической идентичности достаточно отчетливо оформилось три основных теоретических подхода: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиализм (от англ. *primordial* – исконный, изначальный) определяет этнос как изначально данную и неизменную общность людей с четко выраженными устойчивыми признаками, имеющими онтологическое основание. В то же время внутри этот подход может быть дифференцирован на базе некоторых классификационных критериев субстанциального основания этничности: природного как такового, в том числе лежащего в природе человека; социального бытия; единого природного и социального начала человеческого существования, находящегося в сфере духа как надприродного и надсоциального бытия. В этом случае можно выделить несколько направлений анализа и интерпретации феномена этничности: природно-антропологическое, социально-биологическое, социально-историческое. Природно-антропологическое направление (Геродот, Ш. Монтескье, К. Гирц, Х. Айзекс, П.Л. Ван ден Берге, Ф. Тённис, С.А. Арутюнов и др.) усматривает природу этничности и, соответственно, источник этногенеза в генетико-биологических, биофизических, географических и тому подобных факторах. Находясь на схожих позициях, Л.Н. Гумилев более противоречив в определении данного понятия. В основном он утверждает, что «этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д.» [5. С. 13]. В то же время он пишет, что «этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [6. С. 16]. Социально-биологическое направление представляет собой попытку связать в единое целое социально-историческую и природно-биологическую предопределенность этнических процессов и феноменов и рассматривает этнос как природно-генетически наследуемое качество. Р. Шоу и Ю. Вонг предполагают, что этническое родство заложено в генетическом коде еще с доисторической эпохи. Разновидностями данного направления являются социально-психологические и умозрительно-философские концепции «духа» или «души» народа (Г. Лебон, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт и т.д.). Социально-историческое направление рассматривает этнос как исторически складывающуюся социальную группу, свя-

занную общностью территории, исторических судеб, языка, материальной и духовной культуры, экономической жизни, психологического склада (И.В. Сталин). К этой же типологической схеме относится и направление в понимании этничности, которое можно обозначить как культурно-историческое (Н.С. Трубецкой, Ю.В. Бромлей, А. Бастиан, Ф. Гребнер, Т. Парсонс, Ф.И. Нейман, А. Фиркандт, австромарксисты – Р. Шпрингер, О. Бауэр и др.).

Конструктивистский подход (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, В.А. Тишков, В.С. Малахов и т.д.) определяет этнос как искусственное образование, результат целенаправленного конструирования и деятельности самих людей. Зачастую представители конструктивизма видят в этнических конструктах политический инструмент борьбы за экономические и символические ресурсы. Следовательно, образование этнической общности и этническая идентичность выступают в качестве процесса или процедуры отбора и отбраковки («прополки») государством и наукой культурных характеристик как маркеров этноса. Учитывая кризис мультикультурализма в Западной Европе, возрастание национального сепаратизма, ксенофобии, которые активно вторгаются в современный мир, Э. Хобсбаум отмечает: «Сейчас более важно, чем когда-либо, отказаться от теории этнической принадлежности как чего-то “первоначального”» [7. С. 338].

С точки зрения инструменталистского подхода (Л. Белл, А. Коэн, М.П. Фишер, Дж. Окамура, К. Янг, З.В. Сикевич, Л.М. Дробизева, Ю.В. Арутюнян, В.А. Ядов, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Арутюнов, А. Коэн, Х. Ортега-и-Гассет и др.) этнос рассматривается как важный инструмент достижения людьми определенных целей, который не направлен на поиск определения понятий этноса и этничности. В русле инструментализма выделяется два направления: элитарный инструментализм и экономический инструментализм. В первом случае в качестве основной цели этнических элит рассматривается борьба за власть, во втором – за ресурсы. Вот почему представляется более уместным для нашего исследования использование синтетической модели этноса, предложенной О.С. Тереховым в своем диссертационном исследовании «Динамика межэтнических конфликтов XX в.: социально-философский и теоретико-исторический анализ» [8]. Согласно этой модели, разработанной в рамках социальной онтологии Н.С. Розова, развивающей идею «трех миров» К. Поппера, выделяются «вариации для этнических признаков: в биотехносфере – от формы лица и черепа, цвета кожи (подобные признаки неизменяемы или крайне сложно поддаются изменениям) до одежды, причёски, оружия и мебели; в социосфере – от структуры семьи, рода, клана (подобные структуры крайне сложно поддаются внешним изменениям и конструированию извне) до заново создаваемых и изменчивых этнических группировок и диаспор (представляющих собой структуры с открытой возможностью вступления); в психосфере – от темперамента, неосознаваемых архетипов языка – генетических задатков психики, до меняющихся идей и идеологий, которые навязываются и передаются в этнической среде; в культуросфере – от ядерных сим-

волов культуры и владения родным языком до восприятия неологизмов, многоязычия и различных эффектов внешнего культурного влияния» [8. С. 9]. В рамках такой модели этнос представляется в виде ядра, в которое входят представители данного этноса по праву рождения или «по праву крови», имеющие определенные антропологические признаки принадлежности к данному этносу, свободно владеющие родным языком без акцента, выполняющие ритуалы жизненного цикла (принятие новорожденного в общество, брачные и похоронные церемонии), демонстрирующие определенное повседневное поведение, характерное для данного этноса и окружающих его слоев (оболочек этнического ядра). Вокруг ядерной группы имеется три таких слоя. Первый слой состоит из лиц, рожденных от моноэтнических родителей ядра этноса, но не соблюдающих традиции, которые являются обязательными для соответствующей этнической группы. Второй слой включает детей межэтнических браков, в которых один из родителей принадлежит либо к ядерной группе, либо к первому слою вокруг этнического ядра. Третий состоит из «этнических иммигрантов», не имеющих кровного родства с данным этносом, но стремящихся ассимилироваться и в определенной мере быть принятыми в него. Таким образом, под этносом можно понимать биосоциокультурную межпоколенную общность, состоящую из различным образом интегрированных в нее слоев (ядерной группы этноса и оболочек этнического ядра), идентифицирующих себя с этой общностью.

Но этнос – это становящееся явление. На первом этапе это по большей части природное, непосредственное, самотожественное явление. Культура его проста и примитивна. На втором этапе происходит его опосредствование собой. В нем появляется свое иное – культурное, которое все больше вытесняет природное, и этнос все более обретает черты социальности. Обычно этот этап связывают со становлением народности. Но искусственность, подражая естественному, им живет и в силу этого к себе начинает относиться критически. На этом этапе происходит становление нации. Теперь требуется не только критика, но и новое утверждение, усиленное антитетическим отрицанием. По этой логике возможен синтез в виде всемирно-исторического этнического образования. Таким образом, этнос более близок к социокультурному содержанию, отличающему его от других общностей. В то же время этногенез не является линейным и однонаправленным процессом. В зависимости от различных социокультурных условий он может включать в себя самые различные тенденции. Важным аспектом в этнической идентификации выступает, как правило, этническое самосознание. Оно формируется в ходе этногенеза, этнокультурной и социокультурной деятельности этноса и выступает затем уже не только «важным показателем этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их другим этносам» [9. С. 72].

Таким образом, современной наукой к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт изучения отдельных аспектов этнической идентичности. На

этой теоретической базе нами была разработана анкета «Мой этнос», которая стала основой для нашего исследования в этом году.

Что касается сведений и исследований идентичности этносов Западной Монголии, то они также уходят в глубь веков. Монгольская метаэтническая общность выходит далеко за пределы территории Монгольской народной республики и включает в себя как часть территории России (Бурятия и Калмыкия), так и часть территории Китая (Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район) [10. С. 94]. Как правило, этносы Западной Монголии, которые мы исследовали, называют общим именем: ойраты. По поводу того, какие этносы включают в группу ойратских народов, идут дискуссии. У некоторых авторов можно найти утверждение, что ойратами называлось отдельное племя, отдельный народ, по имени которого впоследствии был назван союз племен [11. С. 660; 12. С. 202–205; 13. С. 3; 14. С. 9–15; 15. С. 127–129; 16. С. 19–22 и др.]. Первые упоминания об ойратах можно найти в «Сокровенном сказании» [17. § 141, с. 116, § 144, с. 117, § 239, с. 174–175] и у Рашид-ад-Дина в «Сборнике летописей» [18. С. 118–121]. В состав ойратских народов (этнических групп) включается различное их число: от двух-четырех до одиннадцати. В числе 11 этнических групп, включенных в состав современных ойратов, С.К. Хойт называет и те народы, которые участвовали в нашем исследовании [19. С. 138]. Краткую информацию по этнонимам и истории народов Западной Монголии, участвовавших в нашем исследовании (за исключением хотонов), можно найти в книге А. Очира «Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов» [15. С. 112–116, 138–140, 163–165, 188–192]. Также о происхождении, образе жизни и расселении мянгатом есть сведения у Г.Н. Потанина [20. С. 39–40] и А.М. Позднеева [21. С. 310, 340–341, 342, 344]; олэтов – у Г.Н. Потанина [20. С. 39, 42, 108], П.К. Козлова [22. С. 20], А.М. Позднеева [21. С. 61–62], Г.Е. Грумм-Гржимайло [23. С. 566–569]; торгутов – у Рашид-ад-Дина [18. С. 118], Г.Н. Потанина [20. С. 43–44, 91–92, 95–98, 100, 104–105, 120, 150, 165, 167, 170–171], А.М. Позднеева [21. С. 327, 411–412], у современных авторов: Э.П. Бакаевой [24–26], Б.У. Китинова [27], В.П. Санчирова [28], Б. Нанзатова, М. Содномпиловой [29], Э.У. Омакаевой [30, 31] и др.; урянхайцев – у Г.Н. Потанина [20. С. 7–8, 34–39, 81–83, 88, 92, 96–97, 104, 120, 150–151, 161, 172], А.М. Позднеева [21. С. 287–290, 318, 363–364], П.К. Козлова [22. С. 5], Г.Е. Грумм-Гржимайло [23. С. 578–579], Б.Я. Владимирцова [32. С. 79, 85–86, 88], В.В. Ушницкого [33–35], О.М. Ганболда [36], И. Лхагвасурэна [37] и др.; хотонов – у Г.Н. Потанина [20. С. 15–18, 104–105, 152, 162], Б.Я. Владимирцова [32. С. 55, 77, 97, 99–102, 101–104], В.И. Терентьева [12. С. 203], О. Хулнаа [38], Н. Гомбосурэна [39] и др.

Непосредственно вопросам идентификации монгольских народов посвящены диссертации О.И. Зимина [40] и В.И. Терентьева [41], а также статьи Л.Л. Абаевой [10], Э.П. Бакаевой [42], С.И. Замогилинского, Ю.В. Ставропольского [43], А.А. Клубкова [44], Н.А. Лойко [45], Д.В. Ушакова [46], В.И. Терентьева

[47, 48] и др. Исторический аспект монгольской идентичности раскрывается в статьях К. Коллмар-Пауленца [49], П.О. Рыкина [50], О.И. Зимина [51], А.С. Шмыта [52], Т.Д. Скрынниковой [53] и т.д. И нельзя не упомянуть важные для изучения этнической идентификации исследования по этническому самосознанию монголов. Это, прежде всего, работы В.И. Терентьева [54, 55] и статья М. Мөнхзула и Ж. Төртогтоха [56]. В данной статье, основываясь на синтетическом подходе, суть которого изложена выше, мы рассматриваем этническую идентичность через включенность респондентов в социосферу и культуросферу своего этноса.

Задачи исследования

Исследование направлено на анализ авто- и гетеростереотипов, а также на выявление когнитивного (что я знаю о своем этносе) и эмоционального (как я отношусь и какие эмоции испытываю к своему этносу и к себе как к представителю этого этноса) компонентов этнической идентичности малочисленных этносов Западной Монголии. Данная статья посвящена рассмотрению именно этих компонентов этнической идентичности пяти малочисленных этносов Западной Монголии: олётгов, урянхайцев, мянгатов, торгутов и хотонов. Для сравнения используются данные доминирующего в Монголии этноса – халхов.

Методы исследования

Респонденты. В исследовании приняли участие 411 человек, из них 224 женщины и 187 мужчин в возрасте от 15 до 67 лет (средний возраст $M = 18,54$, $SD = 1,26$). Среди участников исследования было 77 представителей мянгатов, 60 – торгутов, 67 – хотонов, 67 – урянхайцев, 67 – олётгов и 73 – халхов, которые опрашивались в двух аймаках: Ховдском и Увснурском. В то же время следует отметить, что среди опрашиваемых были жители 22 аймаков Монголии, хотя и преобладали те, кто непосредственно проживает на территории Ховдского аймака (67,9%). В выборках среди различных этносов была обеспечена приблизительно равная представленность юношей и девушек: доля юношей в разных выборках колеблется в пределах от 40,3 до 54,5%. В ходе исследования использовались квотная и случайно-вероятностная выборки, представители 6 указанных этнических групп добровольно участвовали в опросе. Квоты для них выделялись исходя из задач исследования. Случайно-вероятностная выборка рассчитывалась на основе переписи населения Монголии 2010 г. [57, С. 174, 194]. Репрезентативность выборки соответствует социально-демографической структуре населения двух аймаков, в которых проводился опрос: Ховдского и Увснурского. Это обеспечивает достоверность результатов данного исследования.

Методика. Для выявления когнитивного и эмоционального аспектов этнической идентичности нами была разработана и апробирована в России и Монголии [58] социологическая анкета «Мой этнос». Она содержит пять групп вопросов: 1) к какому этносу

себя причисляют респонденты и по каким критериям они это делают; 2) отношение респондентов, в том числе и эмоциональное, к своему и чужому этносам; 3) знание респондентами фольклора и героев своего этноса; 4) отношение респондентов к религии; 5) паспортника, куда были включены данные о половой принадлежности, возрасте, месте проживания, уровнях образования и дохода семьи респондентов.

Результаты

Идентичность человека – это его представление о самом себе, о том, с какими качествами он себя отождествляет и по каким из них он себя определяет. Для этнической идентичности очень важно понять, к какому этносу человек себя причисляет и на каком основании он это делает. В ходе исследования было выявлено, что участники опроса в основном разделяют традиционные представления в вопросах, касающихся принадлежности к тому или иному этносу. Так, большая часть респондентов (80,0%) принадлежность к этносу определяют по этнической принадлежности отца. Только 14,1% респондентов свою этническую принадлежность определяют по этнической принадлежности обоих родителей, еще меньше (5,1%) – по этнической принадлежности матери. Различия между отдельными этносами, полом и возрастом весьма незначительные. В то же время 3,0% хотонов и 1,3% мянгатов указали, что этническая принадлежность человека определяется свыше.

Подавляющее большинство респондентов (97,8%) гордятся принадлежностью к своему этносу, считают, что в Монголии есть необходимые условия для его сохранения (85,6%). Более половины опрошенных (67,9%) полагают, что их этнос ни в чем не ущемляется и не подвергается дискриминации. Однако среди опрошенных больше половины хотонов (56,7%), около половины торгутов (45,0%) и олётгов (41,8%) считают, что их этнос ущемляется и подвергается дискриминации. Большинство из них отметили, что дискриминация осуществляется в неравной возможности устроиться на работу в другом городе или аймаке (49,4%), невозможности учиться наравне со всеми в престижных вузах (31,1%), неравной возможности открыть свой бизнес (12,8%). По этносам различий практически не было, за исключением мянгатов. У них проявились несколько другие приоритеты. Они считают, что дискриминация проявляется в невозможности учиться наравне со всеми в престижных вузах (33,3%), неравной возможности открыть свой бизнес (23,8%) и неравной возможности устроиться на работу в другом городе или аймаке (19,0%).

По отношению к межэтническим бракам уже есть некоторые различия. В целом около трети респондентов (28,6%) считают такие браки возможными в силу равенства всех людей, а 25,9% полагают, что такие браки необходимы для «обновления крови». В то же время немного меньше опрошенных (28,1%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса, а 17,3% отметили, что межэтнические браки неприемлемы только с представителями определенных этносов. Ес-

ли посмотреть ответы на этот вопрос в разрезе этносов, то значительная часть олётгов (38,8%) и халхов (39,1%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса. Этот же ответ преобладает среди мужчин: олётгов (41,9%), халхов (37,5%) и урянхайцев (32,1%), а также женщин: халхов (36,6%) и олётгов (36,1%). При этом большое количество опрошенных отдадут предпочтение в случае заключения межэтнического брака халхам (28,0%), мянгатам (14,6%) и олётгам (12,7%). Однако если халхам отдадут предпочтение представители всех опрашиваемых этносов, то мянгатам отдадут предпочтение олётгы (21,2%), халхи (15,2%) и хотоны (8,3%), а олётгам – урянхайцы (21,6%) и мянгаты (8,2%). На второй позиции у хотонов оказались урянхайцы (8,3%), а у торгутов – казахи, китайцы и русские (по 7,1%). В то же время наиболее отрицательно респонденты отнеслись к выбору супруга или супруги из числа китайцев (38,6%), казахов (23,8%) и русских (12,96%). Безусловно, межэтнические браки способствуют укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, снижению угроз и напряжений в их взаимоотношениях. Однако при определенных условиях, они могут вести к культурной и этнической унификации, разрушению этнической идентичности народов.

Исследование показало, что более половины респондентов (68,4%) считают, что их этнос превосходит другие этносы. В целом респонденты ставят свой этнос значимее казахов (22,6%), китайцев (20,1%) и хотонов (16,7%). В разрезе отдельных этносов ситуация выглядит несколько иначе. Так, на первой позиции оказались казахи у халхов и мянгатов (31,0 и 32,0% соответственно), халхи – у урянхайцев и хотонов (26,7 и 17,9%), китайцы – у олётгов и хотонов (24,5 и 17,9%), хотоны – у торгутов (23,9%). Вторую позицию заняли китайцы у мянгатов и халхов (28,0 и 21,4%), казахи – у урянхайцев, олётгов и торгутов (24,4, 22,4, 21,7%), торгуты и урянхайцы – у хотонов (по 14,3%). По мнению опрошенных, превосходство над другими этносами проявляется прежде всего в интеллекте, умственных способностях, образованности (42,1%), в поддержании этнической культуры,

своих родовых корней, этнических обычаев и традиций (31,4%), в трудолюбии (24,9%). Помимо этого, как очень важные качества хотоны отметили выносливость (39,7%), олётгы – смелость и храбрость (25,5%), урянхайцы и халхи – благородство происхождения, сохранение «чистоты» крови (28,6% и 16,3%), мянгаты – сострадание и умение сопереживать (14,8%). Несмотря на это у большинства респондентов есть друзья из представителей других этносов (77,4%). И только у трети мянгатов (35,1%) и олётгов (31,3%) нет таких друзей. Более половины (52,6%) опрошенных отметили, что их семьи относятся к этому нейтрально, безразлично, а еще 44,1% указали на положительное отношение к наличию друзей из других этносов. Особых отличий у этносов не проявилось, за исключением того, что у олётгов (73,1%), урянхайцев (55,6%) и торгутов (55,1%) большинство членов семей безразличны к наличию таких друзей, а у хотонов (54,0%), мянгатов (52,9%) и халхов (50,9%) – приветствуют этот факт.

Познавательный компонент этнической идентичности включает в себя знание истории своего этноса, его народных героев, фольклора и т.д. В целом респонденты показали достаточно хорошее знание истории и фольклора своих народов. Больше половины опрошенных правильно выбрали двух наиболее известных представителей своего этноса (табл. 1) и легенды и эпические произведения своего народа. Так, 65,1 и 55,8% опрошенных мянгатов верно определили легенды своего народа «Мянгад хэмээх нэрийн тухай домог» («Легенда об имени мянгата») и «Чингүнжавын тухай домог» («Легенда о Чингүнжаве»); 87,0 и 50,0% торгутов – «Бүрэнхайрхан уулын домог» («Легенда о горе Бүрэнхайрхан») и «Гурван хүүхэд уулын тухай домог» («Легенда о горе Три ребенка»); 32,6 и 28,3% хотонов – «Бөх Цэрэндоржийн тухай домог» («Легенда о борце Цэрэндорже») и «Хөх хулын домог» («Легенда о лошади синего цвета»); 67,4 и 53,5% урянхайцев – «Баян цагаан өвгөн» (Богатый, белый дед) и «Аргил цагаан өвгөн» (Добрый, белый дед); 74,0 и 84,0% олётгов – «Цамбагарав хэмээн нэрлэсэн тухай домог» («Легенда о названии Цамбагарав») и «Өөлдийн таван шүтээний тухай домог» («Легенда о пяти святынях олётгов»).

Таблица 1

Наиболее известные представители этносов

	Сүбээдэй баатар	Б. Авирмэд (Алдарт туульч)	Загдсүрэн (Ардын жүжигчин)	Батнасан (гавьяат нисгэгч)	Увш хаан	Б. Бадам (Улсын баатар)	Чингүнжав	Л. Жамсранжав (Ардын жүжигчин)	М. Намсрай (Төрийн соёрхолт их эмч)	С. Загиржав (Улсын аварга малчин)
Мянгат	5,3%	6,6%	0,0%	5,3%	3,9%	1,3%	76,3%	61,8%	5,3%	6,6%
Торгут	3,4%	8,5%	1,7%	8,5%	69,5%	64,4%	8,5%	0,0%	1,7%	0,0%
Хотон	4,6%	18,5%	15,4%	3,1%	4,6%	1,5%	4,6%	3,1%	73,8%	56,9%
Урянхаец	46,9%	76,6%	1,6%	18,8%	1,6%	1,6%	4,7%	12,5%	6,3%	3,1%
Олёт	5,0%	6,7%	76,7%	71,7%	11,7%	0,0%	10,0%	5,0%	1,7%	8,3%

Знание о религии, которую исповедуют народы, к которым принадлежали респонденты, достаточно хорошее. Так, 88,2% мянгатов, 81,9% торгутов, 80,6% халхов, 78,8% урянхайцев и олётгов знают, что их народы исповедуют буддизм. В среднем около 22,0% представителей этих народов отметили, что у них также практикуется шаманизм. В то же время только

50,0% хотонов указали, что традиционной религией их народа является ислам, а 37,9% посчитали, что это буддизм. Несколько иной оказалась ситуация с указанием на религию, исповедуемую самими респондентами. В целом больше половины опрошенных (58,8%) указали о своей приверженности буддизму, и, несмотря на всплеск религиозного сознания в постсоци-

алистический период развития Монголии [59], на втором месте среди представителей всех этносов разных возрастных групп оказалось количество атеистов (19,6%). Только третьим был выбран шаманизм (13,2%). Следует также отметить, что наибольшая приверженность буддизму проявилась у всех опрошенных этносов во всех демографических группах. Однако на втором месте у хотонов (38,8%) оказался ислам, а у олётов (26,9%) – шаманизм. На третьем месте у 26–35-летних респондентов (11,3%) в отличие от других возрастных групп оказался ислам.

В современном мире большое значение в жизни людей имеет Интернет. Им среди опрошенных поль-

зуются 83,5%. Особенно широко Интернетом пользуется молодежь (табл. 2). Этот вопрос не имеет, конечно, прямого отношения непосредственно к этнической идентичности. В то же время косвенно он может показать интерес к этническим проблемам со стороны респондентов. В нашем исследовании в Интернете наибольший интерес у опрошенных вызывают новости (28,2%), социальные сети, общение с другими людьми (19,7%), профессиональная информация (19,5%), история Монголии (14,6%), домашнее хозяйство (приготовление пищи, уход за животными, растениями, вышивание, ремонт жилья и т.п.) (12,9%).

Т а б л и ц а 2

Пользователи Интернета в Западной Монголии (данные по возрасту)

	15–19 лет	20–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	Свыше 65 лет
Пользуются	90,80%	94,50%	84,20%	84,60%	66,00%	66,70%	40,00%
Не пользуются	9,20%	5,50%	15,80%	15,40%	34,00%	33,30%	60,00%

Что касается отдельных этносов, то интерес к новостям у всех, за исключением хотонов, для которых наиболее предпочтительной является профессиональная информация (34,3%), находятся на первом месте. А вот далее предпочтения меняются. Социальные сети, общение с другими людьми находится на втором месте только у торгутов (33,3%), олётов (20,9%) и урянхайцев (19,4%). Для урянхайцев на втором месте также находится профессиональная информация (19,4%). На втором месте для хотонов находятся новости (29,9%), а для халхов – история Монголии (20,5%). Наличие друзей из других этносов повышает уровень пользования Интернетом. Так, респонденты, у которых есть такие друзья, чаще пользуются интернетом (89,6%) в сравнении с теми, у кого таких друзей нет (62,4%). Это говорит о том, что этнические проблемы не стоят на актуальной повестке дня для представителей изучаемых нами этносов.

Обсуждение

Полученные нами результаты продемонстрировали, что большая часть респондентов идентифицируют себя со своим этносом и разделяют традиционные патриархальные взгляды на ведение родословной по линии отца, что было распространено среди монголов со времен Чингиз-хана и отразилось как в «Сокровенном сказании», так и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина [17. С. 79; 18. С. 59–60, 63–64]. В то же время у Рашид-ад-Дина родословная Чингиз-хана восходит к общей праматери – Алан-Гоа [18. С. 64], что свидетельствует о наличии в монгольской традиции почитания и материнского начала. А если учесть тот факт, что идентичность современных монголов во многом связана с культом имени и истории Чингиз-хана [51–53], то эти факты во многом и обусловили ответы наших респондентов на вопрос об определении своей принадлежности к тому или иному этносу.

Для монголов ценность семьи остается достаточно высокой, несмотря на некоторые изменения в отдельных областях брачно-семейных отношений [60]. Это отмечали исследователи монгольской культуры еще в

прошлые века. В частности, П.К. Козлов писал: «Монголы вообще хорошие семьянины и с сильной любовью относятся к детям» [22. С. 112]. Это подтвердили и наши исследования в Западной Монголии в 2012 г. [61]. Следование традициям также проявилось и в отношении западных монголов к межэтническим бракам. Следует отметить, что наши данные не совпадают с данными, полученными в 2016 г. в Западной и Центральной Монголии барнаульскими исследователями [62. С. 119]. Здесь могло сказаться небольшое число опрошенных ими респондентов (164 человека), а также нечеткое разделение в вопросах понятий «этнос» и «нация» [Там же. С. 118, рис. 3]. В целом, по нашим данным, выразив положительное отношение к брачным союзам между представителями разных народов, респонденты все же предпочтение отдавали монгольским этносам и особо негативное отношение проявили к китайцам и казахам. Негативное отношение монголов к китайцам сформировалось еще в период порабощения Китаем Монголии в период с XVII до начала XX в. Это было отмечено и русскими исследователями: «По собственным наблюдениям и общему отзыву лиц, долго проживавших в Монголии, – писал в XIX в. М.В. Певцов, – масса монгольского народа относится весьма недружелюбно к своим порабощителям...» [63. С. 203]. Помимо того что казахи для монгольских народов Западной Монголии «чужие» по языку и культуре (иная *нация*), следует отметить и тот факт, что негативное отношение монголов к казахам стало проявляться в основном на бытовом уровне в связи с их высокой социально-экономической активностью в Западной Монголии в конце XX – начале XXI в. В меньшей мере такое отношение монголов характерно и к «омонголившимся» хотонам, которые представляют тюркский этнос, мигрировавший в регион северо-западной Монголии в XVII – первой половине XVIII в. Известный этнограф Б.Я. Владимирцов писал: «Монголы-дэрбэты относятся к хотонам несколько свысока, презирая их за то, что они рабы (бол), за то, что они не поклоняются “бурхану”, ходят с бритыми головами (мухр, толсата); но при простоте коче-

вой жизни и благодаря детскому характеру дэрбэтов, при их небрежном отношении ко всему это презрение хотонов мало в чем выражается, разве только в том, что дэрбэт ждет, чтобы хотон первый приветствовал его при встрече» [32. С. 101]. Эти факторы и особенности проявились и в ответах на вопросы по поводу гордости за свой этнос и о его превосходстве над другими этносами.

Одной из важных основ этнической идентификации большинством исследователей признается религия. До принятия буддизма в Монголии традиционным религиозным мировоззрением выступал шаманизм. Однако и принятие буддизма, отличающегося гибкостью и веротерпимостью, не вытеснило данного мировоззрения, а развивалось параллельно с ним. Этим и было обосновано мнение респондентов относительно выбора этнической религии. Что касается хотонов, традиционной религией которых являлся ислам, то, как мы отмечали ранее, они достаточно много переняли из культуры своих соседей – дербэтов: язык, элементы одежды, пищу, а также и религию. Уже в конце XIX в. Г.Н. Потанин писал: «Веру предков своих не только молодые, но и старые почти забыли. Прежние муллы все перемерли; знающих арабскую грамоту людей у Котонов почти совсем нет, также и книг, кроме небольших брошюр; мой знакомый Ходжагул знал только несколько мусульманских молитв, и то вероятно, в испорченном виде; Коран он знал только по имени; имя пророка Магомета ему было мало известно; на мой вопрос, кто у них был пророк, он упоминал какого-то Ольджа-пейгамбара, а на имя Магомета я мог его навести, только напомнив ему молитву: „ля илля иль аллах» [20. С. 17], а в начале XX в. Б.Я. Владимирцов отмечал, что «теперешняя религия хотонов представляется странной смесью мусульманских переживаний и ламайских и шаманских напластований» [32. С. 102]. В основном наши данные о религиозной принадлежности изучаемых этносов сопоставимы с теми данными, которые были получены в специальном исследовании этноконфессиональной ситуации в монгольском Алтае барнаульским историком П.К. Дашковским и опубликованы им в 2012 г. [64], за исклю-

чением, пожалуй, сведений о значительном распространении среди трети молодых монголов в возрасте от 15 до 25 лет атеизма. На наш взгляд, одной из причин этого является широкое распространение Интернета в современной Монголии, особенно среди молодых людей.

Наши данные свидетельствуют о росте числа пользователей Интернета как в возрастном, так и в образовательном аспектах (ср.: [65]). Безусловно, это будет способствовать росту демократизации монгольского общества, включению его в глобальные мировые процессы. В то же время существует угроза этнокультурному своеобразиему населения Монголии.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что традиционные отношения среди респондентов в Западной Монголии еще сохраняются, в то же время интересы в религиозной жизни, информационной сфере начинают меняться, что, на наш взгляд, постепенно будет влиять и на изменения в более консервативных общественных отношениях. В условиях усиления межкультурного диалога в силу концентрации населения в городах, особенно в столице Монголии – Улан-Баторе, все более усиливающаяся унификация в языке и культуре разных этнических групп и народов, происходит формирование единой общемонгольской общности – монгольского народа. Этому также способствует консолидация монголов в постсоциалистический период вокруг общей истории и общенационального лидера – Чингизхана. В то же время интерес к локальной истории, культуре, религии отдельных этносов не ослабевает и требует особого внимания, так как в условиях глобализации и тенденции к унификации может оказаться основой для межэтнических конфликтов.

Авторы выражают признательность за помощь в осуществлении исследования преподавателям и научным сотрудникам АГТПУ им. В.М. Шукина М.С. Власову, О.А. Сычёву, Е.М. Трофимовой, преподавателям Ховдского государственного университета Т. Одончимэг, Л. Нямсүрэн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ : Транзиткнига, 2004. 635, [5] с.
2. Гомер. Илиада и Одиссея / пер. И. Гнедича. М.: Худож. лит., 1967. 767 с. (Библиотека всемирной литературы. Сер. первая. Т. 3).
3. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев ; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с. (Филос. наследие).
4. Блаженный Августин. Творения : в 4 т. Т. 3 : О граде Божием. Кн. I–XIII / сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. 584 с.
5. Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2003. 560 с.
7. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
8. Терехов О.С. Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
9. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии : (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
10. Абаева Л.Л. Этнокультурные истоки этнической идентификации монгольских народов // Власть. 2009. № 7. С. 94–96.
11. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оногo. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883. Вып. IV: Материалы этнографические, с 26-ью таблицами рисунков.
12. Терентьев В.И. Ойраты: этнокультурная составляющая политонима и контуры современной этноисторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 202–205.

13. Санчиров В.П. «Илэтэхэл шастир» как источник по истории ойратов / АН СССР, Ин-т востоковедения. М. : Наука, 1990. 135 с.
14. Очиров У.Б. Ойраты западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 9–15.
15. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН. 2016. 286 с.
16. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М. : Наука, 1983. 332 с.
17. Козин С.А. Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niguča tobèj an*. Юань чао би ши : монг. обыденный сборник. Т. 1: Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941 (Ленинград). 620 с. (Труды / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; т. XXXIV).
18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I, кн. 1. 219 с.
19. Хойт С.К. Последние данные по локализации и численности ойрат // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов : сб. науч. тр. / редкол.: П.М. Кольцов [и др.]. Элиста : Изд-во КГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.
20. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению императорского Русского Географического Общества. Вып. II: Материалы этнографические. СПб. : Типография Б. Киршбаума, 1881.
21. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. I: Дневник и маршрут 1892 г. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1896.
22. Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Издание Императорского Русского Географического Общества. Т. II. Вып. 1. СПб. : Типо-Литография «Герольд», 1907. 137 с.
23. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
24. Бакаева Э.П. «Когда не было границы»: формирование этнических групп торгутов в Кобдоском аймаке Монголии в период борьбы за признание независимости страны // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2016. № 4. С. 21–37.
25. Бакаева Э.П. Белый платок в культуре торгутов Монголии (к вопросу о происхождении и символическом значении) // Полевые исследования. 2014. Т. 2, № 2 (2). С. 4–28.
26. Бакаева Э.П. Торгуты Монголии этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2009. № 1. С. 69–86.
27. Китинов Б.У. Торгуты: к вопросу этногенеза и религиозной ориентации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2017. Т. 9, № 1. С. 84–95.
28. Санчиров В.П. О происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы : сб. ст. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 31–50.
29. Нанзатов Б.З., Содномпилова М. М. Традиционные обряды жизненного цикла монгольских народов в условиях современности: торгутская свадьба // Власть. 2013. № 8. С. 148–151.
30. Омакаева Э.У. Вопросы изучения лексики ойратских говоров Монголии в свете актуальных проблем современной монголистики (на примере торгутского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 12–92.
31. Омакаева Э.У. Лексические особенности языка торгутов Монголии на фоне калмыцкого языка и монголо-ойратского континуума (к постановке проблемы) // Монголоведение. 2014. № 7. С. 18–27.
32. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г.И. Слесарчук. М. : Вост. лит., 2002. 557 с.
33. Ушницкий В.В. Забайкальская прародина Субудая: степные урянхаты-хамниганы // Регион в приграничном пространстве : матер. междунар. науч. конф. : [в 2 ч.]. / Забайкал. гос. ун-т. Чита : ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 6–8.
34. Ушницкий В.В. Проблема происхождения этнонима урянхай // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 96–99.
35. Ушницкий В.В. Урянхайцы: по следам одного племени в Центральной Азии // Наука и образование. 2008. № 3. С. 72–77.
36. Ганболд О.М. Традиции обрядов по охране природы у ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов) // Мир Евразии. 2012. № 2–4 (17–19). С. 46–50.
37. Лхагвасурэн И. Свадебные обряды алтайских урянхайцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 164–178.
38. Хулнаа О. Монгольская малая народность Убснурского аймака – Хотон // Наука и инновации в XXI веке : актуальные вопросы, открытия и достижения. 2017. С. 225–228.
39. Гомбосурэн Н. Происхождение народности «хотонов-монголов» и их языковые особенности // Язык и культура (Новосибирск). 2017. № 27. С. 15–19.
40. Зимин О.И. Влияние религиозного мифотворчества на монгольскую этническую идентичность : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2015. 206 с.
41. Терентьев В.И. Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI века : дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2016. 239 с.
42. Бакаева Э.П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (к вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-язычных народов. Элиста : КИГИ РАН, 2010. Вып. 2. С. 93–110.
43. Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Социологический дискурс о монгольской этнокультурной идентичности // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2. С. 145–151.
44. Клубков А.А. Евразийская цивилизационная идентичность российской и монгольской молодежи // Психология личности студента в России и Монголии: культурно-историческое своеобразие и социальные факторы формирования / отв. ред. И.В. Фотиева, А.В. Иванов. Барнаул : Пять плюс, 2015. С. 7–16.
45. Лойко Н.А. Конструирование идентичностей в современном монгольском обществе // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : программа и тезисы. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2014. С. 238–240.
46. Ушаков Д.В. Этническая самоидентификация и межэтнические установки населения Северо-Западной Монголии // Социальные процессы в современной Западной Сибири. 2015. С. 198–204.
47. Терентьев В.И. Трансформация самоидентификации «монгольских ойратов» в начале XXI в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : ст. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 219–222.
48. Терентьев В.И. Общее и особенное в этнической самоидентификации западных монголов (конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 20–24.
49. Коллимар-Пауленц К. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века // Свет Дхармы против тумана тьмы. *Tartaria Magna*. Т. 201. С. 86–103.
50. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1. С. 48–85.
51. Зимин О.И. Чингисхан как символ этнической идентификации Монголии в глобализирующемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2013. № 1. С. 60–65.

52. Шмыт А.С. Культ Чингиз-хана в период монгольской народной республики и в современной Монголии как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 307–310.
53. Скрынникова Т.Д. Две Монголии особенность средневековых идентификационных практик // Вестник Евразии. 2005. № 2. С. 29–65.
54. Терентьев В.И. Государственная политика нацистроительства в МНР и становление этнического самосознания западных монголов // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 2. С. 11–20.
55. Терентьев В.И. Современные трансформации этнического самосознания западных монголов // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 146–161.
56. Мөнхзул М., Төртөгтох Ж. Процесс глобализации и национальное сознание в Монголии // Наука и Мир. 2016. Т. 3. № 5 (33). С. 111–112.
57. Хүн ам орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: Нэгдсэн дүн. Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар хот, 2011. Х. 174, 194.
58. Григорьев С.И., Беспалов А.М., Гуслякова Л.Г., Прудникова М.М. Социальное качество и структура смысловых ориентаций подростков российско-монгольского приграничья на Алтае (опыт пилотного исследования Международного российско-монгольского проекта) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 9. С. 70–77.
59. Цыбикдоржиев Д.В., Батоева Д.Б. Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии // Власть. 2014. № 5. С. 40–44.
60. Винокурова А.В., Бадараев Д.Д., Батжаргал Д., Энхболд Д. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной монгольской семьи // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 72–78.
61. Беспалов А.М., Прудникова М.М., Нямдорж Б. Ценности российских подростков в российско-монгольском приграничье в современных условиях // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Общественные науки. Т. 2. : Матер. XI Межд. конференции, г. Ховд, 28–29 сент. 2013 г. Ховд; Томск, 2013. С. 51–57.
62. Дашковский П.К., Шершнева Е.А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и Религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 115–128.
63. Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М.: Дрофа, 2010. 878 с.
64. Дашковский П.К. Современные этноконфессиональные процессы в монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.
65. Цэдэн И.Б. Информационное общество и его реальное состояние в современной Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 102–105.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 5 мая 2018 г.

ETHNIC IDENTITY OF INDIGENOUS SMALL ETHNIC GROUPS OF WESTERN MONGOLIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 70–80.

DOI: 10.17223/15617793/431/9

Alexander M. Bepalov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: bam56@mail.ru

Marina M. Prudnikova, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: mimoza.95@mail.ru

Nyamdorj Bavuu, Khovd State University (Khovd, Mongolia). E-mail: nyamdorj_b@yahoo.com

Undarmaa Davaa, Khovd State University (Khovd, Mongolia). E-mail: undaraa_0720@yahoo.com

Keywords: ethnos; ethnic identity; Oirats; Ööld; Torgud; Minggad; Khoton and Uriankhai.

The article provides the results of an empirical study of cognitive and emotional aspects of ethnic identity in indigenous small ethnic groups of Western Mongolia: Oirats, Ööld, Torgud, Minggad, Khoton and Uriankhai. It provides a brief overview of sources on identity issues, including ethnicity, as well as the identity of Mongolian ethnic groups, the main approaches to their study. The article also substantiates the representativeness of the conducted research and its main methodological foundations. The results demonstrated that the majority of respondents share traditional patriarchal views on the conduct of genealogy, inter-ethnic marriages, attitudes toward other ethnoses. The respondents showed a good knowledge of the history and folklore of their ethnic group. This largely predetermined the fact that more than half of the respondents correctly chose the two most famous representatives of their ethnic group, legends and epic works. At the same time, new phenomena have appeared in the life of Western Mongols: changes in the structure of religious preferences, as well as the increasing number of Internet users. Internet news, social networks, communication with other people, professional information, history of Mongolia, housekeeping (cooking, caring for animals, plants, embroidering, repairing houses, etc.) were of the greatest interest for the respondents. In all the changes taking place in modern Mongolia, the authors noted both positive moments leading to democratization and tolerance in interethnic relations and some threats to the preservation of ethnic identity. In conclusion, the authors draw attention to the fact that the traditional relations of small ethnic groups of Western Mongolia still exist, while interests in religious life, in the information sphere are beginning to change, which will gradually influence the changes in more conservative social relations. In the context of intensified intercultural dialogue, due to the concentration of the population in cities, especially in Mongolia's capital, Ulaanbaatar, there is an ever-increasing unification in the language and culture of different ethnic groups, the formation of a single common Mongol community, the Mongolian people. This is also facilitated by the consolidation of the Mongols in the post-socialist period around the common history and the national leader – Genghis Khan. At the same time, there are interests in the local history, culture, and religion of individual ethnic groups, which requires special attention, since in the context of globalization and unification these interests may be the basis for interethnic conflicts.

REFERENCES

1. Huntington, S. (2004) *Kto my?: Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti* [Who are we?: The challenges to America's national identity]. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow: ACT: Tranzitkniga.
2. Homer (1967) *Iliada i Odisseya* [The Iliad and the Odyssey]. Translated from Old Greek by I. Gnedich. Moscow: Khudozh. lit.
3. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 3. Translated from Old Greek by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takhogo. Moscow: Mysl'.
4. Blessed Augustine. (1998) *Tvoreniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Aleteyya; Kiev: UTsLMM-Press.
5. Gumilev, L.N. (1990) *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [Geography of the ethnos in the historical period]. Leningrad: Nauka.
6. Gumilev, L.N. (2003) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Moscow: Ayris-press.
7. Hobsbawm, E. (2002) Printsip etnicheskoy prinalozhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe]. Translated from English. In: Anderson, B. et al. *Natsii i natsionalizm* [Nation and Nationalism]. Moscow: Praksis.

8. Terekhov, O.S. (2008) *Dinamika mezhetnicheskikh konfliktov XX veka: sotsial'no-filosofskiy i teoretiko-istoricheskiy analiz* [The dynamics of interethnic conflicts of the 20th century: socio-philosophical and theoretical-historical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Bromley, Yu.V. (1981) *Sovremennyye problemy etnografii: (oчерки teorii i istorii)* [Modern problems of ethnography: (essays on theory and history)]. Moscow: Nauka.
10. Abaeva, L.L. (2009) Etnokul'turnye istoki etnicheskoy identifikatsii mongol'skikh narodov [Ethno-cultural sources of ethnic identification of Mongolian peoples]. *Vlast'*. 7. pp. 94–96.
11. Potanin, G.N. (1883) *Oчерки Severo-Zapadnoy Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo* [Essays on Northwestern Mongolia. The results of the 1879 trip on behalf of the Imperial Russian Geographical Society, of its member]. Is. IV. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
12. Terent'ev, V.I. (2013) The Oirats: ethnocultural component of politonym and modern ethnohistorical community outline. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 202–205. (In Russian).
13. Sanchirov, V.P. (1990) *“Iletekhel shastir” kak istochnik po istorii oyратov* [“Iletekhel shastir” as a source on the history of the Oirats]. Moscow: Nauka.
14. Ochirov, U.B. (2010) Oyраты zapadnoy Mongolii i Severo-Zapadnogo Kitaya: voprosy etnicheskoy istorii, demografii i geografii rasseleniya vo vtoroy polovine XVIII veka [The Oirats of Western Mongolia and Northwestern China: issues of ethnic history, demography and geography of settlement in the second half of the 18th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2. pp. 9–15.
15. Ochir, A. (2016) *Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov* [Mongolian ethnonyms: issues of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista: KIGI RAN.
16. Zlatkin, I.Ya. (1983) *Istoriya Dzhungarskogo khanstva, 1635–1758* [History of the Dzungar Khanate, 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
17. Kozin, S.A. (ed.) (1941) *Sokrovennoe skazanie: mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol un niruča toběj an. Yuan' chao bi shi: mong. obydenyy sbornik* [The Secret History of the Mongols]. Translated from Mongolian. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk.
18. Rashid-al-Din (1952) *Sbornik letopisey* [A Compendium of Chronicles]. Translated from Persian by L.A. Khetagurov. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
19. Khoyt, S.K. (2008) Poslednie dannye po lokalizatsii i chislennosti oyрат [Recent data on the localization and number of the Oirats]. In: Kol'tsov, P.M. et al. (eds) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Is. 2. Elista: Kalmyk State University.
20. Potanin, G.N. (1881) *Oчерки Severo-Zapadnoy Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniyu imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on Northwestern Mongolia. The results of the 1876–1877 trip on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Is. II. St. Petersburg: Tipografiya B. Kirshbauma.
21. Pozdneev, A.M. (1896) *Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispolnennoy v 1892–1893 gg.* [Mongolia and the Mongols. The results of the trip to Mongolia in 1892–1893]. Vol. I. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
22. Kozlov, P.K. (1907) *Mongoliya i Kam. Trudy ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, sovershennoy v 1899–1901 gg. pod rukovodstvom P.K. Kozlova* [Mongolia and Kham. Proceedings of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society in 1899–1901, under the leadership of P.K. Kozlov]. Vol. II. Is. 1. St. Petersburg: Tipo-Litografiya “Gerol'd”.
23. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uryanghai region]. Vol. 2. Leningrad: Izdanie uchenogo komiteta Mongol'skoy Narodnoy Respubliki.
24. Bakaeva, E.P. (2016) “Kogda ne bylo granitsy”: formirovaniye etnicheskikh grupp torgutov v Kobdoskom aymake Mongolii v period bor'by za priznanie nezavisimosti strany [“When there were no borders”: the formation of ethnic groups of the Torguts in Khovd Aimak of Mongolia during the struggle for recognition of the independence of the country]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*, № 4. pp. 21–37.
25. Bakaeva, E.P. (2014) Belyy platok v kul'ture torgutov Mongolii (k voprosu o proiskhozhdenii i simvolike) [White kerchief in the Mongolian Torgut culture (on the issue of origin and symbolism)]. *Polevye issledovaniya*. 2:2 (2). pp. 4–28.
26. Bakaeva, E.P. (2009) Torguty Mongolii etnicheskii sostav i etnicheskie markery [Mongolian Torguts ethnic composition and ethnic markers]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*. 1. pp. 69–86.
27. Kitinov, B.U. (2017) The Torguts: on the issue of ethnogenesis and religious orientation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Vseobshchaya istoriya – RUDN Journal of World History*. 9:1. pp. 84–95. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-84-95
28. Sanchirov, V.P. (1996) O proiskhozhdenii etnonima torgut i naroda, nosivshego eto nazvanie [On the origin of the ethnonym Torgut and the people with this name]. In: Ochir, A. & Zoriktuev, B.R. (eds) *Mongolo-buryatskie etnonimy* [Mongol-Buryat ethnonyms]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
29. Nanzatov, B.Z. & Sodnompilova, M.M. (2013) Traditsionnye obryady zhiznennogo tsikla mongol'skikh narodov v usloviyakh sovremennosti: torgutskaya svad'ba [Traditional rites of the life cycle of the Mongolian peoples in modern conditions: the Torgut wedding]. *Vlast'*. 8. pp. 148–151.
30. Omakaeva, E.U. (2014) The study of vocabulary of Oirat dialects of Mongolia in the light of the urgent problems of modern Mongolian studies (on the example of the Torgut dialect). *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. pp. 12–92. (In Russian).
31. Omakaeva, E.U. (2014) Leksicheskie osobennosti yazyka torgutov Mongolii na fone kalmytskogo yazyka i mongolo-oyratskogo kontinuum (k postanovke problemy) [Lexical features of the Mongolian Torgut language against the background of the Kalmyk language and the Mongolo-Oirat continuum (to the formulation of the problem)]. *Mongolovedenie*. 7. pp. 18–27. DOI: 10.22162/978-5-903833-35-1/2014-7-18-27
32. Vladimirtsov, B.Ya. (2002) *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow: Vost. lit.
33. Ushnitskiy, V.V. (2016) [The Transbaikalian original homeland of Subuday: the steppe Uryanghats-Khamnigans]. *Region v prigranichnom prostranstve* [Region in the frontier space]. Proceedings of the international conference. Pt. 2. Chita: Transbaikalian State University. pp. 6–8. (In Russian).
34. Ushnitskiy, V.V. (2010) Problema proiskhozhdeniya etnonima uryankhay [The problem of the origin of the ethnonym Uryanghay]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 1. pp. 96–99.
35. Ushnitskiy, V.V. (2008) Uryankhaytsy: po sledam odnogo plemeni v Tsentral'noy Azii [The Uryanghays: following the traces of a tribe in Central Asia]. *Nauka i obrazovanie*. 3. pp. 72–77.
36. Ganbold, O.M. (2012) Traditsii obryadov po okhrane prirody u oyратov-mongolov (na primere altayskikh uryankhaytsev i zakhchinov) [Traditions of nature conservation ceremonies among Oirats-Mongols (on the example of Altai Uryanghays and Zakhchins)]. *Mir Evrazii*. 2–4 (17–19). pp. 46–50.
37. Lkhagvasuren, I. (2009) Svadebnye obryady altayskikh uryankhaytsev [Wedding ceremonies of the Altai Uryanghays]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. pp. 164–178.
38. Khulnaa, O. (2017) [A Mongolian small people of Ubsnur Aimak – the Khotons]. *Nauka i innovatsii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya* [Science and innovations in the 21st century: topical issues, discoveries and achievements]. Proceedings of the IV international conference. 5 August 2017. Penza: Nauka I Prosveshchenie. pp. 225–228. (In Russian).
39. Gombosuren, N. (2017) Proiskhozhdeniye narodnosti “khotonov-mongolov” i ikh yazykovyye osobennosti [Origin of the nationality of Khoton Mongols and their linguistic features]. *Yazyk i kul'tura* (Novosibirsk). 27. pp. 15–19.

40. Zimin, O.I. (2015) *Vliyaniye religioznogo mifotvorchestva na mongol'skuyu etnicheskuyu identichnost'* [Influence of religious mythmaking on Mongolian ethnic identity]. Philosophy Cand. Diss. Chita.
41. Terent'ev, V.I. (2016) *Formirovaniye i razvitiye etnicheskogo samosoznaniya zapadnykh mongolov v kontse XIX – nachale XXI veka* [Formation and development of ethnic self-consciousness of Western Mongols in the late 19th – early 21st centuries]. History Cand. Diss. Gorno-Altaysk.
42. Bakaeva, E.P. (2010) Oyraty i kalmyki. Oyrat-kalmyki? (k voprosu o samoidentifikatsii i samonazvanii etnosa) [The Oirats and the Kalmyks. The Oirat-Kalmyks? (on the issue of self-identification and self-name of an ethnos)]. In: *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-yazychnykh narodov* [Problems of ethnic history and culture of Turkic-speaking peoples]. Is. 2. Elista: KIH RAS.
43. Zamogil'nyy, S.I. & Stavropol'skiy, Yu.V. (2014) Sotsiologicheskiy diskurs o mongol'skoy etnokul'turnoy identichnosti [Sociological discourse on the Mongolian ethno-cultural identity]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*. 2. pp. 145–151.
44. Klubkov, A.A. (2015) Evraziyskaya tsivilizatsionnaya identichnost' rossiyskoy i mongol'skoy molodezhi [Eurasian civilizational identity of Russian and Mongolian youth]. In: Fotieva, I.V. & Ivanov, A.V. (eds) *Psikhologiya lichnosti studenta v Rossii i Mongolii: kul'turno-istoricheskoe svoeobrazie i sotsial'nye faktory formirovaniya* [Psychology of student personality in Russia and Mongolia: cultural and historical originality and social factors of formation]. Barnaul: Pyat' plus.
45. Loyko, N.A. (2014) Konstruirovaniye identichnostey v sovremennom mongol'skom obshchestve [Designing identities in modern Mongolian society]. In: *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya: programma i tezisy* [Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and modernity: methodology, methodology and practice of research: program and theses]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–240.
46. Ushakov, D.V. (2015) Etnicheskaya samoidentifikatsiya i mezhetnicheskie ustanovki naseleniya Severo-Zapadnoy Mongolii [Ethnic self-identification and interethnic attitudes of the population of Northwestern Mongolia]. In: *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social processes in modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 198–204.
47. Terent'ev, V.I. (2014) Transformatsiya samoidentifikatsii “mongol'skikh oyratov” v nachale XXI v. [Transformation of self-identification of “Mongolian Oirats” at the beginning of the 21st century]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Is. XX. Barnaul: Altai State University.
48. Terent'ev, V.I. (2017) The General and the Particular in the Ethnic Identification of Western Mongolians (in the Late 19th – Early 20th Centuries). *Problemy vostokovedeniya – The Problems of Oriental Studies*. 1 (75). pp. 20–24. (In Russian).
49. Kollmar-Paulents, K. (n.d.) Tibetskoe vospriyatiye mongolov i formirovaniye novoy mongol'skoy identichnosti v nachale XVII veka [The Tibetan perception of the Mongols and the formation of a new Mongol identity in the early 17th century]. *Tartaria Magna*. 201. pp. 86–103.
50. Rykin, P.O. (2002) Sozdaniye mongol'skoy identichnosti termin “mongol” v epokhu Chingiskhana [The creation of the Mongolian identity the term “Mongol” in the era of Genghis Khan]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 48–85.
51. Zimin, O.I. (2013) Chingiskhan kak simvol etnicheskoy identifikatsii Mongolii v globaliziruyushchemsya mire [Genghis Khan as a symbol of Mongolia's ethnic identity in a globalizing world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki*. 1. pp. 60–65.
52. Shmyt, A.S. (2014) The cult of Genghis Khan in the period of Mongolian People's Republic and in modern Mongolia as an element of Mongolian national identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (47). pp. 307–310. (In Russian).
53. Skrynnikova, T.D. (2005) Dve Mongolii: osobennost' srednevekovykh identifikatsionnykh praktik [Two Mongolias: the feature of medieval identification practices]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 29–65.
54. Terent'ev, V.I. (2015) State policy of nation-building in Mongolia and the formation of ethnic self-conscience of western Mongols. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii – Bulletin of the Buryat State University. Human Research of Inner Asia*. 2. pp. 11–20. (In Russian).
55. Terent'ev, V.I. (2016) Current Transformations of Ethnic Identity among the Western Mongolians. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 146–161. IR
56. Munkhzul, M. & Turtogtokh, Zh. (2016) The process of globalization and national consciousness in Mongolia. *Nauka i Mir – Science and World*. 3:5 (33). pp. 111–112. (In Russian).
57. National Statistical Office of Mongolia (2011) *Population and Housing Census 2010: Summary*. Ulaanbaatar. (In Mongolian).
58. Grigor'ev, S.I., Bespalov, A.M., Guslyakova, L.G. & Prudnikova, M.M. (2013) Sotsial'noe kachestvo i struktura smyslozhiznennykh orientatsiy podrostkov rossiysko-mongol'skogo prigranich'ya na Altae (opyt pilotnogo issledovaniya Mezhdunarodnogo rossiysko-mongol'skogo proekta) [Social quality and structure of meaningful orientations of teenagers of the Russian-Mongolian borderland in the Altai (experience of pilot study of the International Russian-Mongolian project)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 9. pp. 70–77.
59. Tsybikdorzhiev, D.V. & Batoeva, D.B. (2014) Faktory uspekha religioznogo vozrozhdeniya v Mongolii [Factors of the success of the religious revival in Mongolia]. *Vlast'*. № 5. pp. 40–44.
60. Vinokurova, A.V., Badaraev, D.D., Batzhargal, File & Enkhbold, File (2012) Sootnosheniye semeynykh i vnesemeynykh tsennostey v strukture tsennostnykh orientatsiy sovremennoy mongol'skoy sem'i [The correlation of family and extra-family values in the structure of value orientations of the modern Mongolian family]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1. pp. 72–78.
61. Bespalov, A.M., Prudnikova, M.M. & Nyamdorzh, B. (2013) [Values of Russian adolescents in the Russian-Mongolian frontier area in modern conditions]. *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoy Mongolii i sopredel'nykh regionov: Obshchestvennye nauki* [Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions: Social sciences]. Proceedings of the international conference. Khovd. 28–29 September 2013. Vol. 2. Khovd; Tomsk. pp. 51–57. (In Russian).
62. Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A. & Tsedev, N. (2017) Etnokonfessional'nye issledovaniya v Mongolii v 2016 g. [Ethnoconfessional studies in Mongolia in 2016]. *Narody i Religii Evrazii*. 1–2 (10–11). pp. 115–128.
63. Pevtsov, M.V. (2010) *Puteshestviya po Kitayu i Mongolii. Puteshestvie v Kashgariyu i Kun'lun'* [Trips in China and Mongolia. Trip to Kashgariya and Kunlun]. Moscow: Drofa.
64. Dashkovskiy, P.K. (2012) Sovremennyye etnokonfessional'nye protsessy v mongol'skom Altae [Modern ethno-confessional processes in the Mongolian Altai]. *Religiovedeniye*. 1. pp. 134–143.
65. Tseden, I.B. (2012) Informatsionnoe obshchestvo i ego real'noe sostoyaniye v sovremennoy Mongolii [Information society and its real state in modern Mongolia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*. 14. pp. 102–105.

Received: 05 May 2018